

К Р О К О Д И Л

«И теперь следует ожидать дальнейшего замедления в наступлении часа победы — со всеми вытекающими отсюда вопросительными знаками».

(Из немецкой газеты «Дас шварце кор»).

Вопрос, над которым ломают и будут ломать головы сотни тысяч немцев.

Рис. Бор. Ефимова

Мертвая география

НЕМЕЦКАЯ газета «Националь дейтунг» напечатала большую статью «Об основах учебного плана германских школ». В этой статье, между прочим, говорится: «География должна показывать, что естественной основой жизни народа является борьба за жизненное пространство».

***

— Ученик Вилли Шредер, какое жизненное пространство вам известно?

— Я хорошо знаком с Африкой.

— Прекрасно. Расскажите.

— В Африке я знаю город Тобрук.

— Что именно вы знаете о Тобруке?

— Там погиб мой дядя Карл.

— Очень хорошо. Меня радуют ваши успехи, Вилли Шредер.

— Господин учитель, я тоже знаю Африку.

— Это кто там? А! Руди Миллер. Ну, пожалуйста, отвечайте.

— В Африке—горячие пески. И там, в песках... Генрих, не подсказывай: без тебя знаю... Там, в песках, умер мой отец.

— Молодец, Руди Миллер. Продолжай и дальше прилежно учиться. Генрих Шульц! Вместо того чтобы подсказывать другим, вы бы встали и показали всему классу, что вы действительно знаете географию.

— Я Африку, господин учитель, не проходил. Я знакомился с жизненным пространством, называемым Грецией.

— Прекрасно. Расскажите.

— Греция—это такая страна, в которой имеется остров Крит. На острове имеются скалы. На одной скале разбился Рудольф Шванке, наш сосед.

— Сосед, сосед... Это нехорошо, Генрих Шульц. Вы хотите отделаться соседом. Вы про себя что-нибудь скажите.

— Скажу, господин учитель. Но не про Грецию. А про Югославию. Столица Югославии—Белград. В окрестностях Белграда бродят партизаны. Партизаны стреляют. Там в моего брата Эрика попали две пули—и он сразу умер.

— Это интересно. Югославию вы знаете неплохо. Вот видите, когда вы не ленитесь, вы хорошо учитесь. Ваш отец будет очень рад вашим успехам.

— Нет, господин учитель, он не будет рад. Моего отца пристрелили в России.

— Прекрасно. Вот, кстати, о России. Это—огромное жизненное пространство. Кто из вас может что-нибудь рассказать об этой стране, подымите руки. Ого! Молодцы! Оказывается, две трети класса познакомились с Россией. Начнем с вас, Гергардт Мюллер.

— Столица России—Москва. Под Москвой есть город... город... город...

— Калуга.

— Волоколамск.

— Не подсказывать, Гергардт сам вспомнит. Ну, Гергардт!

— Трудное слово... Там миной оторвало ноги у моего брата Фрица. Вспомнил: Можайск!

— Запомни хорошенько, Гергардт. География требует точности. Запиши в свою тетрадь.

— Не надо записывать, господин учитель. Если забуду, спрошу у мамы. Она хорошо помнит этот русский город.

— Сейчас ваша очередь, Вилли Клейнер.

— Я могу рассказать, господин учитель, про Ленинград, реку Кубань, Волгу, город Моздок. Под Ленинградом убит мой старший брат, Герман. Он поджигал русскую деревню, и его пристрелили партизаны. В Кубани утонул мой второй брат, Карл. На Волге тяжело ранен мой дядя Ганс. Под Моздоком взят в плен мой отец.

— Вилли, вы хорошо знаете Россию. Сразу видеть, что вы первый ученик. Вот, ребята, с кого надо брать пример... Наш урок несколько затянулся. Пора кончать. На следующих занятиях мы продолжим эту тему. Вам, ребята, есть что рассказать о России. Да, это—действительно огромное жизненное пространство...

АРГО

Г. РЫКЛИН.

ФОН КЛЕЙСТ: — В Моздок я больше не езду!..

Эпитафии впрок

1. МУССОЛИНИ

Здесь возлежит Бенито Муссолини,
Который жил и не живет уж ныне.
При жизни много зла он совершил,
И смерть его ни в ком не вызвала протеста...

Куда бы ты, прохожий, ни спешил,
Остановись —
и плюнь на это место!

2. ГЕББЕЛЬСУ

Тут Геббельс возлежит, утратив
прежний пыл...
Пришел конец речам и злым и
непристойным.

Он в жизни беспокойным был
И наконец-то стал покойным!
Чтоб люди помнили о нем,
Ему поставлен монумент фигурный,
А рядом с похоронной урной
Три короба с его враньем!

3. МАРШАЛУ ПЕТЭНУ

Петэн, покинув белый свет,
Предстал перед судьей всевышним...

Он прожил с лишним восемьдесят лет,
И каждый год его был лишним!

4. АНТОНЕСКУ

Здесь возлежит румын известный —
Антонеску.

При жизни он любил как можно
больше треску,

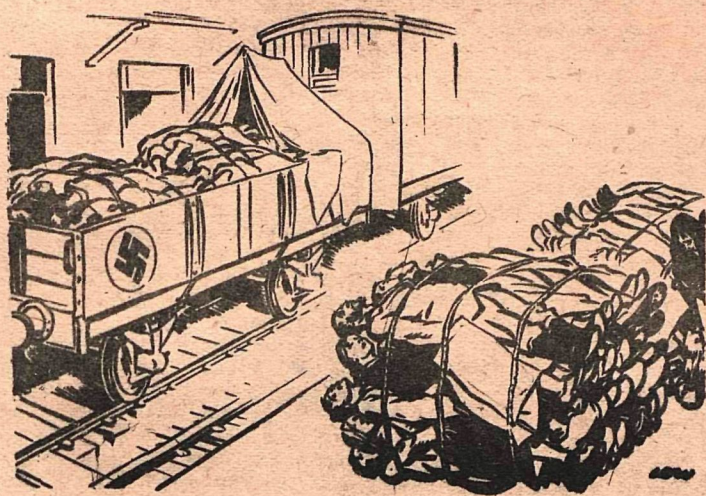
Носил мундир военный и усы.
И человек был лозкий, хитрый и глупый.
Остановись, прохожий, и пощупай,
На месте ли твои часы.

5. ГИТЛЕРУ

Под камнем сим Адольф нашел себе
покой.

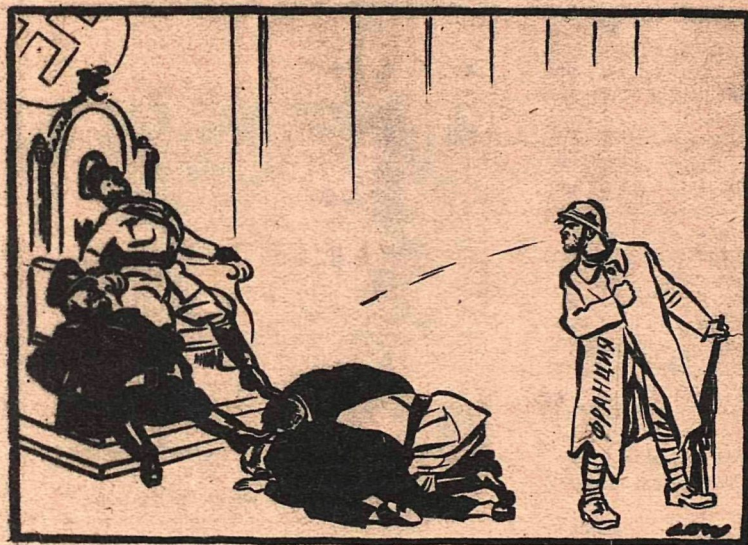
Он был вегетарянец и кликуша,
Телятины он никогда не кушал,
Но упивался кровию людской...
На прах его ничья слеза не брызнет,
Но об одном лишь можно пожалеть:
Что не имел он сорок тысяч жизней,
Чтоб сорок тысяч раз он мог бы
околеть.

В ЗАВОЕВАННОЙ ПОЛЬШЕ

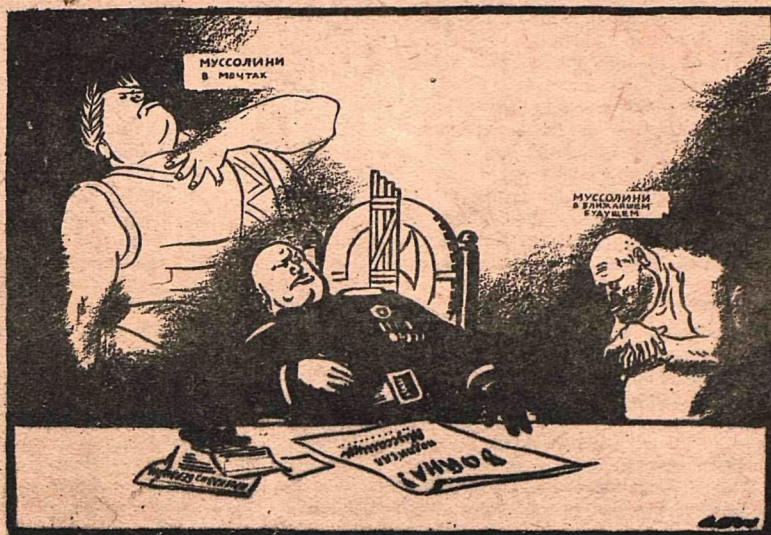
Жизненное пространство для побежденных.

ЛАВАЛИ И ПЕТЭНЫ

Изъявление верноподданнических чувств.

Рисунки известного английского карикатуриста Дэвида Лоу.

Мечта и действительность.

Гиталия.

Куранты

ЧУДЕСНЫЕ куранты в голландском городке Гильваренбеке — прославленные, старинные. Горожане и бургомистр очень гордятся ими. Звонкие, отличной меди колокола неторопливо вызванивают знакомую народную мелодию. Каждый житель Гильваренбека с удовольствием прислушивается к этой музыке, а в сквере на площади, где высится церковная башня с курантами, всегда людно. Только богослужений нет теперь в церкви святого Мартина: заперта церковь, в заложники взят немцами старый аббат.

В одно из воскресений в сквере на площади решил выступить местный голландский фашист Тессен.

— Надо завоевать массы, — сухо сказал ему надних немецкий комиссар. — На беседы и выставки в вашем клубе никто не ходит. Завоюйте симпатии горожан. Без этого вам прощана. Понятно, господин Тессен?

И Тессен отправился «завоевывать массы». Его сопровождали шесть штурмовиков из организации голландских фашистов. Они принесли на площадь микрофонную установку, через которую Тессен намеревался произнести речь «перед тысячной толпой». Он, конечно, понимал, что тысячной толпы не будет и что даже те голландцы, которых он застанет на

площади, наверняка отойдут в другой конец сквера. Но микрофон все же пригодится. Штурмовики запустят через него пластинку с гремучим немецким маршем, может быть, это привлечет любопытных.

Штурмовики расставили микрофонную установку. Тессен покосился на публику. На него никто не обращал внимания, вокруг собрались только детишки.

— Начинай, — взбираясь на импровизированную трибуну и принимая внушительную позу, распорядился Тессен.

Репродуктор захрипел бравурный марш. Тессен с удовольствием отметил, что гуляющие на площади придвинулись поближе к трибуне. Но лица голландцев были почему-то насмешливы.

На башне вдруг заиграли куранты. Звучный и ясный их звон заглушил хрипящий фашистский марш. Тессен нетерпеливо ждал, когда куранты кончат овою длинную мелодию. Вот прозвучала последняя нота, пауза, и куранты заиграли снова. Что-нибудь случилось с механизмом? Кто знает...

Так продолжалось пятнадцать... двадцать... тридцать минут. Вздвигнутый Тессен подбежал к бургомистру:

— Я требую... От имени национал-социали-

стской организации... Или вы хотите сорвать доклад о новой Голландии?!

Бургомистр вынул изо рта большую фарфоровую трубку и внимательно осмотрел ее, точно видел в первый раз. Потом он приветливо усмехнулся.

— О, нет, новая Голландия — это всем нам очень интересно. Но... — и он развел руками, — церковь на замке, остановить куранты некому.

И куранты продолжали играть, а голландцы на площади ухмылялись, с гордостью слушали привычную мелодию. А когда фашисты отравились восояси, их преследовала толпа дюжих веселых голландских парней, которые демонстративно прикуривали от листовок, распространявшихся Тессеном на площади.

Больше Тессен не ходит «завоевывать массы». Финансируемая немцами газетка голландских нацистов «Фольк ен фалерланд» с огорчением проболталась об этом случае и заявила, что в будущем «должны быть приняты меры для ограждения наших пропагандистов от подобных эксцессов».

А горожане Гильваренбека, вспоминая этот случай, подмигивают друг другу:

— Наш бургомистр — тертый калач!

Юр. АКСЕЛЬ

Колька

Вор на

1

Сколько пуль и ветров сколько
Нам свистело на пути,
Сколько штурмов вместе с Колькой
Довелось нам пройти!

Был он главным запевакой,
Говорил он нам, бывало,
— В смертный час, последний мой,
Спойте песню надо мной:

«За эту, мол, землю был Колька убит,
Пусть помнят про Кольку его друзья,
Под этой землею наш Колька лежит,
По этой земле отступать нельзя!»

2

Колька бил врага нещадно
Из всех моряцких сил,
Не давал врагу пощады,
Сам пощады не просил,
Но упал в разгаре боя
Он на запад головою.
Над могилой под огнем
Спели песню мы о нем:

«За эту за землю был Колька убит,
Пусть помнят про Кольку его друзья,
Под этой землею наш Колька лежит,
По этой земле отступать нельзя!»

3

Рвались мины, танки лезли,
Нас бомбили каждый час,
Десять тысяч тонн железа
Немцы двинули на нас.

И когда под смерчем стали
Отползать мы было стали,
Встал товарищ политрук
И про Кольку вспомнил вдруг:

«За эту за землю был Колька убит,
Пусть помнят про Кольку его друзья,
Под этой землею наш Колька лежит,
По этой земле отступать нельзя!»

4

И тогда под смерчем стали
Мы, рванув воротники,
В полный рост в тельняшках встали
И ударили в штыки.

Колька рядом, Колька с нами,
Мы слова его как знамя
В громе, в пламени, в пыли
Над штыками понесли:

«За эту за землю был Колька убит,
Пусть помнят про Кольку его друзья,
Под этой землею наш Колька лежит,
По этой земле отступать нельзя!»

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ

Рис. А. Баженова

Рис. Н. Радлова

Встреча

— С легким паром! — раздался голос из облака пара, совершенно окутывавшего голого человека, стоящего на пороге.

— С легким паром! — ответило несколько голосов.

Человек с мокрым седеющим чубом свесился вниз с полки и старался рассмотреть вошедшего. Однако он рассмотрел только свежий, ярко выступивший от банного жара шрам у него на плече — след недавней раны.

— Интересная памятка! — сказал обладатель мокрого чуба. — И давно это у вас?

— С июня месяца, — блаженно потягиваясь на полке, ответил обладатель шрама.

— Минна?

— Она самая.

— Я сразу вижу, что минна. Осколок снаряда все-таки как-то благороднее. Снаряд никогда себе не позволит того, что минна.

— Да, снаряд как-то приятнее, — произнес третий голос из пара и мглы.

— А вы что, по собственному опыту?

— А как же... Вот поинтересуйтесь...

Обладатель седого чуба поинтересовался. Он увидел на правом боку собеседника ровную линию, чуть алеющий рубец в пять сантиметров, и даже чмокнул от удовольствия:

— Прекрасная работа!

— Как это так «прекрасная»?

— Прекрасная! Сразу видно руку. Вот это хирург!

— Вы, должно быть, из военврачей?

— Естественное, — ответил обладатель чуба. — Ну, пожелаю всего лучшего.

Голый военврач слез с полки и исчез. На его место перебрался голый обладатель рубца на правом боку.

— А вы давно были ранены?

— Давно. То есть зимой, под Каширой.

— Ох, и хорошо же! — даже застонал от наслаждения обладатель шрама раны, полученной в июне месяца.

— Представьте себе, каждый раз, когда попадаю в Москву, первый визит — в маскарад.

— Представьте себе, и я. А куда же еще идти? Знаете ли, в самую спешку, в грязь, когда фрицы с утра сядят из тяжелых, сидишь в блиндаже и фантазируешь: вот сейчас вы пойти это в Центральные, в высший разряд, попариться, а потом, скажем, пивка...

— Чорт знает что!..

— Чего вы чертыхаетесь?

— Да ведь и мне то же самое в такие минуты лезет в голову! И знаете, вот лежу я сейчас и блаженствую, а ведь думал, не придется больше этого испытать...

— А что, у вас жарко было?

— Подходяще...

Наступило молчание, прерываемое блаженным хрюканием, посапыванием и каким-то

томным урчаньем, которое можно услышать только в бане, на верхней полке.

— Знаете, вот видеть я вас, разумеется, не вижу в этом пару, а голос мне ваш почему-то удивительно знаком.

— И мне ваш знаком. Ей-богу, знаком! Мокрая голова свесилась с полки, навстречу ей подвинулась другая голова. Собеседники посмотрели друг на друга. Обы были блондины, оба распаренные и очень довольные.

— Нет, не приходилось встречаться.

— Да, и мне вы неизвестны. Но голос...

— Да, действительно, голос знакомый.

И снова послышалось хрюкание, блаженное посапывание. Оно длилось еще минут двадцать. Затем окончательно распаренные и разомлевшие собеседники слезли с полки.

Они одевались почти рядом. Один поглядывал на другого. Командир помолочке оказался капитаном-артиллеристом, командир постарше — подполковником пехоты. Они вышли вместе.

— Да... Ну, что ж, я думаю, придется нам еще с вами попариться.

— А как же... Вы когда едете?

— Я-то завтра.

— И я завтра. Ехать вам недалеко?

— Недалеко. Километров двести пятьдесят.

— И мне столько же... Послушайте, до чего мне знаком ваш голос!

Подполковник остановился и, посмотрев на капитана, продолжал:

— А ну-ка, скажите: «Слышите меня, я «Буря», сейчас накроем высоту 214...»

— Ну, что ж, могу: «Слышите меня, я «Буря»...». Кстати, я и есть «Буря».

— То есть как?

— Ну, конечно, я — «Буря». Это были мои позывные.

— Боже ж мой! Да я «Иртыш»! Я с вами на прошлой неделе по двадцать раз в ночь разговаривал. Это ж ваша батарея нас огнем поддерживала!

— Да быть не может! Вот почему голос знакомый. Где только встречаются люди!

Прохожие с некоторым удивлением глядели, как жали друг другу руки два фронтовика — капитан артиллерии и подполковник пехоты. Впрочем, ничего необычного в этом не было, необычно было только место, где произошла эта встреча.

— Ну, что же, — сказал подполковник, — ну что же, «Буря», время есть полчаса, зайдем-ка в гостиницу к «Иртышу», разломим коробочку консервов и выпьем по маленькой по случаю такой встречи. После бани даже полагается.

И, взяв друг друга под руку, они зашагали по Неглинному проезду.

Л. НИКУЛИН

— «...Посылаю тебе часы, но только не показывай их вдове Мюллера, так как часы принадлежали раньше ему».

Рис. К. Елисеева

Денщик Фриц Виргалле прикарманил где-то пару часов, которые решил отослать своему палаше Карлу Виргалле.

В тот же день обер-лейтенант Гуго фон Пляшке ловко перевел часы из фельдфебельского кармана в свой собственный.

Однако во время ефрейтором Гансом Карл метно переключался.

Когда командир роты тенгребер отослал того обер-лейтенанта, что вдове, собственно, свои часы, и оставил мять.

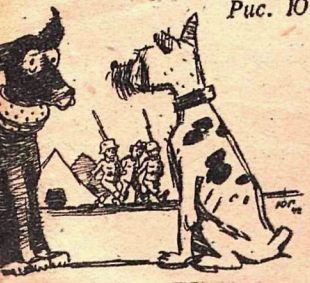
Лежит на солнышке арбуз,
Поди, поспеет скоро.
Каков на цвет, каков на вкус,
Спросите у сапера.
Сапер по звону знает, как
По звону выбрать спелый:
Он здешних мест, донской казак,
Веселый, злой и смелый.
На эти сладкие шары

Дивимся мы в
У немцев глоток
Должно быть,
Грабитель солда
Рукою неумело
Арбузы выбира
Какой здесь са
И вдруг взрыва
В огне передо

Арб

воре

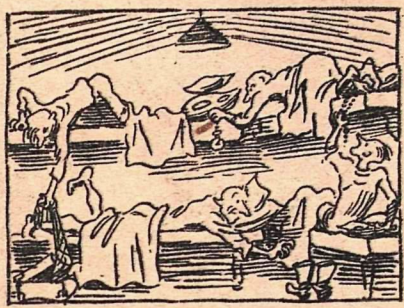
Рис. Ю. Ганфа

Что с тобой? Ты охрипла?
Ну, да. Вчера заставили меня
быть вора, и мне пришлось облаять
дивизию «СО».

Бедиться, господин
порядок царят

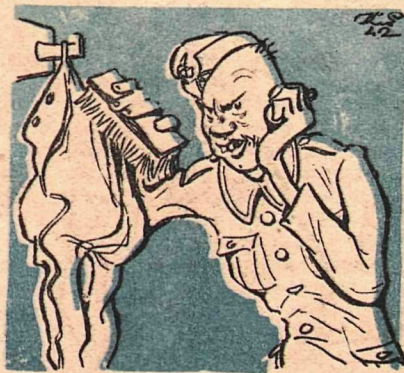
Пойки с обер-
дцем часы неза-
последнему.

Проснувшись утром, обер-сфрейтор
Курц часов не обнаружил, а фельд-
фебель Вилли Кальедау сделал вид,
что ничего не знает.

Отто фон То-
вдове уби-
он подумал,
нужны муж-
их себе на па-

И когда при чистке мундира коман-
дир роты денщик Фриц Биргалле
обнаружил свои часы, он решил вос-
становить справедливость и все же
отослать их своему папаше Карлу
Биргалле. Однако...

(Продолжение см. рис. 2 и т. д.)

уз
бинокли,
и от жары,
пересохла.
мных станиц,
и
ет фриц:
мый спелый?
ется бахча —
бя.

Летят арбузы, грохоча,
Как ядра завывая.
Лежат баварские стрелки —
Наелся в досталь враг!
И касок темные куски
Среди арбузных корок.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

На Дону.

Мораль на подошвах

НА НАШЕМ Энском предприятии за послед-
нее время работа значительно улучшилась.
Просто даже очень хорошо пошла. Говорят,
что это после случая с Назаром Павловичем.
Говорят... (конечно, если люди врут, то и я
вру, но мне думается, такое даже и не соз-
решь) так вот, говорят, вызвали нашего На-
зара Павловича к одному лицу. К такому
лицу, перед которым у Назара Павловича
вся внешность и даже голос и походка из-
меняются к лучшему в смысле вежливости.
И вот входит наш Назар Павлович в ка-
бинет и сразу же, с первого шага, попадает
ногой — ну, во что бы вы думали? — в споруб-
левую бумажку! Лежит бумажка на полу, и
он на нее наступаят всей своей тяжестью...
Бр-р! Сразу (по коже мороз, в ногах трясе-
ние и мысли отакие:
«Что же это я делаю?! Деньги ногами по-
пираю... Государственные знаки! Да я с
детства копейки не обижу, чтобы на зем-
лю бросить или, упаси бог, с земли не под-
нять, — а тут на-ко-ся целая спорублевка!»
Спокакивает он в сторону, и другой ногой
попадает как раз в другую спорублевку. Ах,
боже мой! Озирается и видит, что ступить
буквально некуда. Некуда ступить! Лежат
на паркете спорублевые, лежат червонцы и
даже просто зелененькие прешнищи.
И вот Назар Павлович останавливается,
как небезизвестный морской царь в стихот-
ворной сказке, «ногою подъятой болтая». А
с другого конца кабинета, из-за стола го-
лос:

— Что же вы там застряли? Идите сюда
ко мне.
Назар Павлович шаг шагнул, замотал го-
ловой и жалобно стонет:
— Не могу... Ноги не поднимаются...
— Ага, — тихо и спокойно говорит лицо, —
не поднимаются? А по территории вашего
предприятия ничего себе, ходите, поднимают-
ся ваши ноги? А тут у меня, между прочим,
и раскидано то денег всего-навсего рублей
пятьсот... Ступайте домой, больше мне с ва-
ми говорить не об чем.
Выскочил Назар Павлович из кабинета

сам не свой. А тут ему еще кто-то говорит:
— У вас к пятке что-то прилипло. Какая-то
бумажка.
Тут хлопнул себя Назар Павлович по лбу:
— Бумажка? Нет, это не бумажка, а мо-
раль! Мораль у меня на подошве!
Помчался к себе на Энское предприятие,
заперся в кабинете и все как есть сообразил.
Мгновенно вытащил из кармана бумажник,
пересчитал содержимое и разложил рубли,
привенники и пятиалтынные у порога. А раз-
ложивши, кинулся звонить начальнику одного
цеха Петяшину.

Пришел Петяшин, открыл дверь и стал
стоилом:
— Я извинюсь, Назар Палыч, у вас тут
ступить негде. Что это вы деньги-то разва-
ляли? Я по деньгам ходить не привык...
— Ах, не прельки! — тремко восклицает На-
зар Павлович. — Это, может быть, по мелочи
не привык, а по тысячам ничего себе, топа-
ешь? Кто заявку на дефицитный материал
подавал? Ага! На какую сумму подавал? Ага,
страшно даже произнести! А этот материал,
может быть, вокруг цеха валяется, и ты по
нему ногами, ногами! Это по тысячам-то, по
тысячам, ах, ах!

Петяшин потом говорил:
— Очень меня этот наглядный пример про-
шиб. Но только, конечно, Назар Павлович не
сам его выдумал. И уж даже потому не сам,
что заявку на дефицитный материал мы с ним
вместе подписывали...

Но все равно, сам или не сам, а польк-все
у нас теперь на нашем Энском предприятии
ходит и под ноги глядят, как бы в деньги
не наступить. И первый — Назар Павлович. Он
и на людей как-то даже иначе глядеть стал,
будто присматривается: не из золота ли, мол,
этот человек? И, представьте себе, оказалось,
что многие, действительно, из чистого золота.
Вот какой случай был с нашим Назаром
Павловичем. Ну, конечно, если люди врут,
стало быть, и я вру. Но по деньгам мы те-
перь больше не ходим. Вот это пак уж сущая
правда. Можете убедиться.

В. КАРБОВСКАЯ

Метким ударом

(По страницам красноармейской печати)

В РУМЫНСКОМ ВОИНСТВЕ
— Рядовой Беситанеску, сколько ты
сегодня израсходовал патронов?
— Двадцать пять.
— Сколько поразил целей?
— Две.
— Где трофеи?
— У полковника Драпалеску. Их благо-
родие заявил, что ему очень нравятся паштет
из свежих кур.
(«Патриот родины»)

ПРАВИЛЬНОЕ ЖЕЛАНИЕ
— Что ты такой прустный, Эдди? Ведь
Гитлер и его правительство заботятся о нас,
как отец с матерью...
— Может, это и так, Фриц, но я предпочел
бы остаться круглым сиротой!
(«Советский гвардеец»)

ВЕРНЫЙ ПРИЗНАК
— Что означают кресты на фашистских
танках и самолетах?
— То, что их ожидает кладбище...
(«На страже родины»)

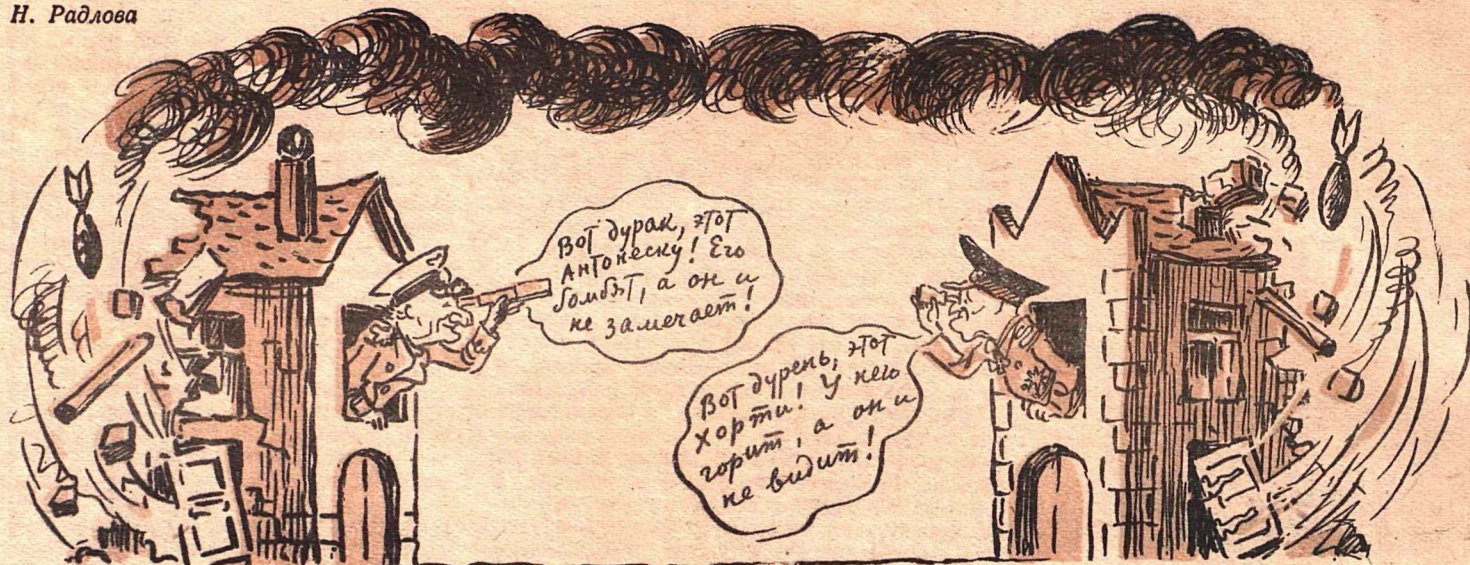
НА ВЕЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
МОРИЦ: — Гитлер обещал поселить на
Дону германских солдат. Там богатый край.

МАКС: — Что ж, фюрер выполняет свое
слово: он уже поселил навечно десятки ты-
сяч солдат!
(«Сталинец»)

ОБЫЧНАЯ ПРОГРАММА
В Вене, Праге, Будапеште и других городах
театры превращены в госпитали.
— Сегодня в нашем театре опять старая
программа!
— Что же там идет?
— С утра пойдут похороны умерших за
ночь, а вечером — разгрузка двух эшелонов
раненых, прибывших с Восточного фронта.
(«Советский гвардеец»)

В БЕРЛИНСКИХ ЩЕЛЯХ
— Вечерний выпуск «Берлинер-цейтунг»,
вечерний выпуск! Последние известия! Во
время вчерашнего налетабито сто русских
самолетов!
— Отто, купи газету и побежим скорей в
бомбоубежище...
— Почему же, Марта?
— Потому что русские не замедлят опро-
вергнуть сводку доктора Гельбелса...
(«Красноармейская звезда»)

Рис. Н. Радлова

Тили-тили, бом-бом!
Загорелся хортин дом.

Сколько дыму, сколько треску!
Запылал и Антонеску.

Как они выкупались

ВЭТОМ рассказе не будет никаких занимательных историй с неожиданными поворотами. Я просто опишу один смешной случай, произошедший на фронте.

Три наших бойца пошли в разведку немецкого тыла. Рейд у них получился тяжелый, и до рассвета они не успели вернуться обратно. Пришлось им там, в тылу у немцев, ждать следующей ночи. Спрятались разведчики в кустарнике на крутом берегу одной реки. Сидят. В середине дня (а денек выдался наславу!) видят наши бойцы, что на противоположный берег пришли четыре фрица. Вот они разделись, залезли в воду — фыркают, горланят что-то по-немецки. А наши бойцы шопотом ругаются, что вот, мол, им у своей реки приходится как кротам сидеть, а эти немецкие недоноски плещутся, будто у себя дома... Конечно, бойцы могли быстро прекратить купание фрицев и отправить их кормить раков, но открывать стрельбу в немецком тылу не входило в расчеты наших разведчиков. И бойцы сидели тихо и шопотом ругались.

И вдруг происходит следующее: два наших истребителя, видимо, возвращавшиеся с

задания, низко-низко промчались над рекой. Так низко, что по реке рябь пошла и кусты зашумели. Фрицы сразу притихли, но потом, когда самолеты улетели, опять начали резвиться. А самолеты, оказывается, вовсе не улетели. Летчики прекрасно разглядели купающихся фрицев и решили с ними поиграть. Они сделали большой круг, разошлись в разные стороны и начали «игру»...

Из-за берега выскочил один наш истребитель и с бреющего полета из пулеметов как чesанет по купальщикам! Те давай нырять под воду. Нырнут и долго не показываются. Но как только они высунутся и начнут, задыхаясь от напряжения, воздух глотать, появляется второй истребитель и тоже из пулеметов бьет по фрицам. Так раз шесть повторилось. Сначала фрицы рвались к берегу, но потом сообразили, что там им не сидеть: берег отлогий и голый, как коленка. И фрицы ринулись плыть на другой берег, надеясь укрыться под обрывом. Это было не плавание, а один смех — наши бойцы в кулаки хохотали до истомы. Истребители так подхлестывали фрицев, что сам Бойченко не смог бы их догнать в этом запылье с нырянием.

Но тут получается новое осложнение: фрицы подтывают как раз к тому месту, где сидят наши разведчики. Командир разведки сержант Прохоров тихо говорит:

— Придется взять фрицев. Чего товарищ пропадать? Хотя они и голые, а все равно язычки...

А фрицы около самых разведчиков лезут под берег, как водяные крысы, ругают друг друга. Истребители промчались еще раз над этим местом, но не стреляли, словно знали, что здесь наши.

Дальше все произошло как-то само собой. Прохоров огрел одного фрица автоматом по голове, и тот на время выбыл из строя. Другого, шушлого, фрица за волосы вытащил на берег боец Сухомлинов. Вытащил и дал фрицу понять, что шуметь опасно для его жизни. Третьего и четвертого фрицев оседлала пот же Прохоров и боец Захава.

Разведчики связали фрицам руки, приказали им лежать ничком и тишины ни в коем случае не нарушать, так как в противном случае «тот свет» может оказаться для фрицев очень близко. И четыре голеньких фрица рядком лежали, будто загорая в кустарнике. А местность, между прочим, попала без муравьев, а вечером — без комаров. Фрицы ерзают, а разведчиков смех душил. Но смех — смехом, а начинало смеркаться, и надо было думать, как этих голых фрицев перетащить через линию фронта. Но Прохоров — разведчик бывалый — он придумал.

Фрицы вследствие того, что по-русски знали только «дай кур, дай яйца», долго не могли понять, чего хотят от них разведчики. Однако разведчики сумели все объяснить фрицам наглядно, и вскоре довольно странная процессия пронеслась в путь.

Впереди пробирался Прохоров. За ним на четвереньках ползли стеноженные фрицы. Сбоку пробирался Захава. Замыкал процессию Сухомлинов. Дорога попала для голого человека очень неподходящая: пустой кустарник, лес и прорва всякой крапивы, дедовника и прочего колющего материала. Но фрицы ползли как миленькие, потому что опять же разведчики им разъяснили безоружное действие советских автоматов.

На рассвете эта процессия появилась у нашего переднего края. Такой смех грохнул над передним краем, что воронье с соседнего поля разлетелось.

Фрицы быстро оделись, и затем их отправили в штаб. Больше ничего об этих фрицах я рассказать не могу, потому что ничего о их судьбе не знаю. Сидят, вероятно, в каком-нибудь лагере и рассказывают своим соотечественникам, в каком героическом бою за фюрера им пришлось сложить оружие.

В. АРДАМАТСКИЙ.

ДЕДУШКА И ВНУЧЕК

В районе Сталинграда взят в плен немецкий летчик Генрих фон Эйзингель, правнук Бисмарка.

Рис. Бор. Ефимова

Граф Бисмарк еще в XIX веке теоретически доказал опасность войны с Россией.

Правнук графа Бисмарка в 1942 году практически доказал эту непреложную истину.

— Обратите внимание, Фриц, ведь большую часть бремени мы переложили с итальянцев на свои плечи.

Ю. Ганфа 42

Обоюдное понимание ✓

В ГЕРМАНИИ издан «Немецко-русский словарь картинок для обоюдного понимания без знания языка». Придуманно неплохо: дается немецкими буквами русский текст — и тут же картинка: можно молча ткнуть пальцем в картинку — и все станет ясным и понятным, наступит обещанное обоюдкой «обоюдное понимание»...

Для кого и для чего издан словарь?

На странице 6 помещен такой текст:

«Принесите свежее молоко, сливки! Принесите масло, сыр, яйца, булки, сахар! Принесите колбасу, вилку, ножик и ложку! Принесите сладкое варенье!»

Тут же даны картинки: дымится кофе в чашке, рядом с булочками стоит масленка, банка с повидлом, лежит одинокая сосиска, а молоко даже льется из банки прямо на пол. Видно, автор словаря (думал, что в России немчура ждуг молочные реки с кисельными берегами!

С каждой странице словаря растут немецкие аппетиты; страница 8 рекомендует такое приказание:

«Дайте мне 2, 3, 4 сваренных яйца, 5 сваренных яиц!»

Словом 5 яиц, немчура переходит к деликатесам:

«Я хотел бы чашку шоколада, немного мороженого, лимонад, пирожное с сбитыми сливками, печенье» (страница 18).

Накравшись, немец, естественно, вспомнит о своем голодном семействе и захочет «организовать» (то есть наворовать) ему посылку. Тут одной сосиски и 5 яиц будет мало! На странице 21 нарисованы целая пирлянда, сосисок, мяска ко смальцем, промадный кусок сала, ветчина и колбаса шести сортов (в том числе «московская») и даже рогалик с маком.

И, наконец, на 38-й странице словарь неприкрыто обнаруживает свою «специфику»:

«Откройте эту комнату! Этот шкаф! Покажите добровольно все ваше имущество! Торопитесь!»

Вор торопится! Ему некогда! Торопитесь открыть комоды и шкафы! В одной руке у вломщика пистолет-автомат, в другой — словарь картинок.

Кто издал это необходимое пособие для

немецких солдат, воров и грабителей? На словаре издательская марка Восточноевропейского института в городе Бреслау. Уж не существует ли в этом почтенном учреждении, подготовившем шпионов, какой-нибудь специальный кафедры по географии или воротничу?

На последней странице обложки издатель предусмотрительно сообщает, что такие же словари выпущены для разговоров с французами, украинцами, поляками, сербами, а также англичанами, турками, арабами и египтянами. (Аппетит широкий!

Нам словарь картинок не нужен: мы понимаем и без картинок, что фриц — это фриц. И для фрицев у нас свой словарь:

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ: фриц — вор — грабитель — поджигатель — мерзавец — разбойник — злодей — убийца.

ГЛАГОЛЫ: фрицев — бить — рубить — стрелять — колоты — гнать — уничтожать.

Вот это и будет «обоюдное понимание»!

И никаких рогаликов с маком!

М. СОКОЛОВ

Западный фронт.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукопись не возвращается

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-32-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц. Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

А 61655 Москва, Изд. № 732. Подписано к печати 28/IX 1942 г. Статформат 72 × 106 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

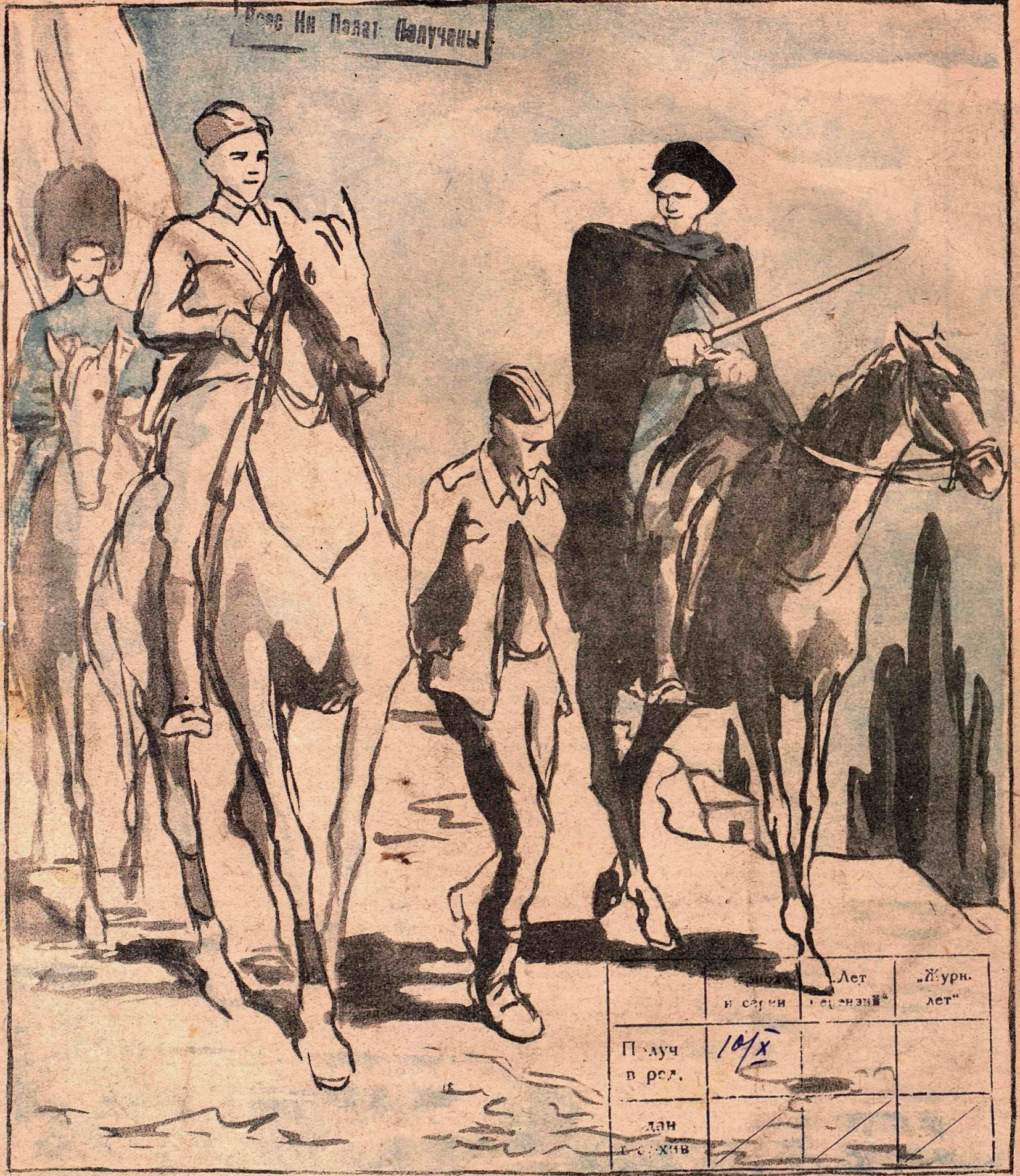
Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2065. Тираж — 200 000 экз.

20

Рис. Л. Бродаты

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ
- 9 ОКТ 1942
Всё Ни Полат: Получены

2339 ✓

Общий «язык».